

литературоведения и языкознания. 2006. Вып. 24. С. 78–82.

11. Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Седаковой // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2017. № 2. С. 124–130.

12. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. университета, 1994. С. 151–158.

13. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008.

* * *

1. Dvorak E.Ju. Russkoe detskoe fjentezi: zhanrovaja specifika i osobennosti mifopojetiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015.

2. Ekimov B.P. Sochinenija: v 3 t. Volgograd: Izdatel', 2000. T. 1.

3. Ekimov B.P. Sochinenija: v 3 t. Volgograd: Izdatel', 2000. T. 2.

4. Isakovskaja A.Ju. Detskaja skazka v russkoj sovetskoj literature: recepcija mirovyh sjuzhetov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012.

5. Kvak H. M. Vremja, prostranstvo i geroj v skazkah K.I. Chukovskogo: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012.

6. Medrish D.N. Literatura i fol'klornaja tradicija. Voprosy pojetiki / pod red. prof. B.F. Egorova. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta, 1980.

7. Meletinskij E.M. O literaturnyh arhetipah. M.: RGGU, 1994.

8. Nefedova L.K. Ontologičeskaja semantika obraza detstva: monogr. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2005.

9. Osorina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. SPb.: Piter, 2009.

10. Troпкина Н.Е. Образ волка в русской поэзии XX века // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. 2006. Вып. 24. С. 78–82.

11. Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Седаковой // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2017. № 2. С. 124–130.

12. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. университета, 1994. С. 151–158.

13. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008.

Topos of childhood in the story by B.P. Ekimov "Fetisych"

The article deals with the topos of childhood in the story by B.P. Ekimov "Fetisych" with consideration of the folklore and mythological tradition. The author determines the role of the spatial and symbolic image in a fiction text.

Key words: *topos, space of childhood, archetype, myth poetics, folklore.*

(Статья поступила в редакцию 21.06.2017)

К.И. ПАЗУХИНА
(Волгоград)

КАРНАВАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ В. ГАВРИЛЬЧИКА

Рассматривается поэзия В. Гаврильчика с точки зрения карнавального начала. Предпринимается попытка анализа стихотворений В. Гаврильчика через призму концепции М. Бахтина о трех видах форм народной смеховой культуры.

Ключевые слова: *ленинградский андеграунд, В. Гаврильчик, карнавал, материально-телесное начало, скатологические образы.*

В. Гаврильчик – один из самых известных художников ленинградского андеграунда. В литературном мире эта фигура тоже весьма значительна. Гаврильчик печатался в альманахах и журналах, где были собраны произведения многих деятелей андеграунда («Аполлон-77», «Стебок» и др.). Начиная с 1960-х гг. его стихи стали популярны среди молодежи и творческой интеллигенции, заучивались наизусть. В. Уфлянд в эссе «Дважды Гаврилисимум» как бы в шутку представил поэта как уникального, единственного в своем роде и великого поэта всех времен. Однако читатель понимает, что за ироничным тоном автора скрывается настоящее уважение и преклонение перед талантом Гаврильчика.

Творчество Гаврильчика было довольно хорошо известно ленинградцам (и не только),

однако читатель немного может узнать о жизни и творческом процессе поэта, т.к. в журналах о таком не писали, интервью Гаврильчик дает очень редко, а в публичных выступлениях практически не участвует. Поэт Г. Лукомников сказал по этому поводу: «Организаторы культурной жизни к нему [Гаврильчику] относились как к маргиналу» (из материалов личной беседы с Г. Лукомниковым). Мы организовали встречу с поэтом для разъяснения интересующих нас моментов и комментирования самим автором важных моментов. Все дальнейшие цитаты Гаврильчика о биографии и творчестве взяты из личной беседы.

В личной беседе Гаврильчик рассказал нам, что свои стихи он начал писать в шутку: «Юношеских стихов не писал. Познакомился с двумя людьми. Понравились друг другу. Сошлись мы на почве водки и буриме». Вместе с этими друзьями Гаврильчик создал свое течение, которое называлось «маразм-арт», в рамках которого выпускалась шуточная газета «Сексуальная правда» с подзаголовком «Интимный орган» и лозунгом «Пролетарии всех стран, совокупляйтесь!». Для Гаврильчика это был период создания стихотворений для смеха, ради шутки. И только позже настал период сознательного творчества. Однако стихотворения, создаваемые в этот период, серьезными назвать все же сложно. В них много юмора, цензурной лексики, образов и ситуаций, которые являются нетипичными для классической поэзии. В этом плане творчество Гаврильчика абсолютно точно вписывается в контекст литературы андеграунда.

Для поэтов ленинградского андеграунда и для Гаврильчика в частности было характерно сочетание новых форм с традиционной поэзией. В его стихотворениях можно встретить множество реминисценций произведений классиков: *А тебе (пусть злится вьюга) / В белом венчике из роз, / В сладком сне, моя подруга, / Да привидится Христос!*; *Служитель муз, как прочий люд, / Житейской прозою связан: / Поэтом можешь ты не быть, / Но жрать хоть в сутки ты обязан!* [3, с. 49, 92]; *Скидает ас / Казенный свой убор: / Шелом, унты, потертую кожанку...* [2, с. 85]. В выбранных цитатах можно увидеть использование известных и узнаваемых читателем строк из стихотворений А.А. Блока, Н.А. Некрасова и А.С. Пушкина в сочетании с бытовыми зарисовками и профессиональной лексикой.

У поэтов андеграунда была сильна связь и с поэтами-авангардистами. С. Савицкий в своей работе «Андеграунд (история и мифы ле-

нинградской неофициальной литературы)» пишет следующее: «Неофициальная культура возникает как антиутопия – осознание краха утопии. Она возвращается к модернизму и авангарду 1900–20-х годов – периоду, предшествующему соцреализму, находя в нем прерванную традицию» [7, с. 72]. В книге «“Вторая культура”». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы» более подробно объясняется этот факт: «Как известно, многие поэты и писатели “второй культуры” сами объявляли себя наследниками Серебряного века <...>, авангарда, ОБЭРИУ» [5, с. 3]. Это в большой степени может быть применимо к поэзии Гаврильчика, потому что влияние авангардистов и обэриутов на его творчество практически очевидно. В одном из своих интервью поэт признался, что с произведениями обэриутов познакомился только в 1969 г., но самостоятельно, не зная того сам, следовал по их пути, использовал их приемы и методы. В нашей беседе Гаврильчик много говорил о влиянии на его развитие, оказанное произведениями футуристов и обэриутов: «Через буриме я обнаружил, что у меня что-то стало получаться. Тогда стал нужен Хлебников. А его никак не достать. Я им в шестидесятые годы просто бредил <...> Очень нравились обэриуты, особенно Хармс, конечно».

Авангардная литература раннего советского периода несет в себе множество карнавальных элементов. Но не в том средневековом виде, который описал Бахтин, а с некоторыми изменениями. «Средневековый карнавал <...> в Новое время уже не способен возродиться в чистом виде вследствие трансформации всех сфер жизни и эволюции культурного сознания», – отмечает Н. Гуськов в работе «От карнавала к канону. Русская советская комедия 1920-х годов» [4, с. 19]. По мнению Гуськова, в те годы возникают ситуации историко-культурного процесса, типологически подобные карнавалу, связанные со средневековой смеховой традицией. Это применимо не только к 1920-м гг. Культура 1960–1970-х гг. во многом повторяет эмоциональное состояние людей – состояние потерянности и неопределенности. Однако, в отличие от культуры авангарда, это «культура разочарования», тогда как 1920-е гг. для Советского Союза были временем, идеально подходящим для создания карнавального пространства. Гуськов отмечает, что жизнь была полна ощущением праздника, а порой и некоторой абсурдности существования, что, конечно, способствовало карнавализации культуры и литературы в частности.

С. Савицкий так охарактеризовал культуру андеграунда: «Антиутопическое самосознание эпохи безвременья, интенсивные религиозные поиски, неотделимые от литературной практики и игрового начала, а также пафос вестернизации» [7, с. 9].

Карнавальное начало сильно воздействует на поэтику благодаря игровому началу. Бахтин выделяет три вида форм народной смеховой культуры: 1) обрядово-зрелищные формы; 2) словесные смеховые произведения; 3) различные формы и жанры фамильярно-площадной речи. В творчестве Гаврильчика можно найти выражение всех трех видов смеховой культуры

В стихотворениях «То был народное гулянье» и «В праздник наш революционный» описывается праздник, массовое гуляние. Изображается праздник со всеми традиционными составляющими – музыкой, каруселью, угощением и пьянством. В самом сюжете стихотворений можно увидеть прямую связь с карнавальными культурами. В них передано ироничное отношение автора к подобным гуляниям. В стихотворении «В праздник наш революционный» изображается гуляние, посвященное годовщине Октябрьской революции. Ироничным оказывается образ «дяденьки», изображение которого как бы возвышается над празднующим народом: *На трудящихся со стенки / Ручкой деляя привет / И лукаво улыбаясь, / Смотрит дяденьки портрет* [2, с. 68]. Примечательно, что в более позднем издании собрания сочинений последняя строка выглядит следующим образом: *Смотрит Ленина портрет* [3, с. 73]. Ироничное настроение создается и за счет неожиданного финала, цитаты А.С. Пушкина: *Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают*. Таким образом автор указывает на демоническую сущность этого праздника.

Стихотворение «То был народное гулянье» написано на ломанном немецком языке. Гаврильчик писал, что таким образом он передает свою ненависть и неприязнь к официальной советской поэзии. Эта манера письма прослеживается во многих стихотворениях Гаврильчика, можно даже говорить о цикле «немецких стихов». Соединение в одном стихотворении образа карнавала и «коверканной» речи позволяет нам говорить о проявлении в поэзии Гаврильчика такой формы карнавальной культуры, как словесные смеховые произведения.

Проявление различных форм фамильярно-площадной речи в сочетании с карнавальным

сюжетом можно встретить в стихотворении «Колбасники». Здесь описаны карнавал и танцы, в которых участвуют колбасники и колбасницы. Проявление фамильярно-площадной речи заключается в нарочито частом употреблении автором народной брани: *едритвою (Колбасники, едритвою, / Сошлись на карнавал. / Колбасник там колбасницу, / Едритвою, едритвою, / На танец приглашал* [3, с. 17]).

Материально-телесное начало проявляется в некоторых стихотворениях Гаврильчика 1960–1970-х гг. В них описываются физиологические акты, возникают скатологические образы, т.е. этой поэзии присущи те черты, которые могут шокировать читателя, вызвать отвращение. Попытаемся ответить на вопрос, почему автор, воспитанный на классической литературе, разносторонне развитый и обладающий эстетическим вкусом, создает столь неоднозначные произведения. В стихотворении «Расстегну ширинку...» в четырех строках описывается акт деурикации. В комментарии к стихотворению указано, что оно «инспирировано стихотворением Артюра Рембо “Вечерняя молитва”» [2, с. 150]. В «Вечерней молитве» автор сатирически изображает процесс пьянства и последующий за этим процесс освобождения от выпитого. Острота достигается за счет того, что Рембо объединяет низкие образы (пьяница) с возвышенными (бог, ангелы), а содержание стихотворения кажется совершенно кощунственным по отношению к названию. Очевидно, что истоки богохульной и излишне «телесной» поэзии Рембо лежат в средневековой литературе (Ф. Рабле) и, следовательно, в народной смеховой культуре. Таким образом, стихотворение Гаврильчика «Расстегну ширинку...» вписывается в контекст мировой литературы, т.к. содержит в себе традиционный карнавальный элемент сюжета.

С этим стихотворением тематически связано другое – «Как по морю синему». В нем автором шуточно описано путешествие двух букашек, спугнувших страшную медузу. Здесь прочитывается метафорический смысл, не зря стихотворение использовалось Гаврильчиком как «громоотвод» по отношению к завистникам – несколько «маленьких» людей, существующих в не совсем пригодных для жизни условиях, все же способны сопротивляться и давать отпор сильным и влиятельным. В стихотворении появляется образ кала. Этот образ выполняет следующую функцию. Стихотворение-«громоотвод» близко к такому жанру детского фольклора, как дразнилка. Цель дразнилки – «оскорбить, унижить, осме-

ять» [6, с. 67]. Для достижения этой цели могут использоваться ругательства, сниженная лексика и низкие образы. Гаврильчик, вводя в свое стихотворение-«громоотвод» образ кала, делает содержание произведения более обидным для недругов. Это достигается за счет смеха, потому что, как отметил Бахтин, «кал – это веселая материя» [1, с. 190].

По Бахтину, нет ничего страшного, когда материально-телесное начало, физиологичность появляются в литературе. «Забрасывание калом, обливание мочой, осыпание градом скатологических ругательств старого и умирающего (и одновременно рожающего) мира — это веселое погребение его, совершенно аналогичное (но в плане смеха) забрасыванию могилы ласковыми комьями земли или посеву – забрасыванию семян в борозду (в лоно земли)» [Там же, с. 191].

Возникновение скатологических образов в поэзии Гаврильчика можно объяснять еще и стремлением автора внести в литературу игровое начало. Неслучайно поэт говорит о некоторых своих произведениях как о «совершенно хулиганской игре». В то же время нецензурная лексика, сниженные образы и телесность встречаются и в произведениях других деятелей андеграунда. Тогда можно сделать вывод о том, что поэтические образы, вызывающие одновременно и шок, и смех, были своеобразной реакцией на события, очевидцами которого стали Гаврильчик и другие поэты. Это застой, влекущий за собой разочарование, которое царит среди народа, и страх, который все же испытывали. Можно также сказать, что карнавальные скатологические образы в поэзии стали своеобразным протестом против официальной литературы.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / под ред. И.Л. Поповой. М.: Языки славянских культур, 2010.
2. Гаврильчик В. Изделия духа. СПб.: Изд-во Общества «А – Я», 1995.
3. Гаврильчик В. Комедийный анбарь. СПб.: Красный матрос, 2008.

4. Гуськов Н. От карнавала к канону. Русская советская комедия 1920-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

5. «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970-1980-е годы: материалы Междунар. конф. (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар [и др.]. СПб.: Изд-во «Росток», 2013.

6. Мельников М. Русский детский фольклор. М.: Просвещение, 1987.

7. Савицкий С. Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной культуры). М.: Нов. лит. обозрение, 2002.

* * *

1. Bahtin M.M. Sbranie sochinenij: v 7 t. T. 4 (2): Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennsansa / pod red. I.L. Popovoj. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010.

2. Gavril'chik V. Izdelija duha. SPb.: Izd-vo Obshhestva «A – Ja», 1995.

3. Gavril'chik V. Komediynij anbar#. SPb.: Krasnyj matros, 2008.

4. Gus'kov N. Ot karnavala k kanonu. Russkaja sovet'skaja komedija 1920-h godov. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004.

5. «Vtoraja kul'tura». Neoficial'naja poezija Leningrada v 1970-1980-e gody: materialy Mezhdunar. konf. (Zheneva, 1–3 marta 2012 g.) / sost. i nauch. red. Zh.-F. Zhakkar [i dr.]. SPb.: Izd-vo «Rostok», 2013.

6. Mel'nikov M. Russkij detskij fol'klor. M.: Prosveshhenie, 1987.

7. Savickij S. Andegraund (Istorija i mify leningradskoj neoficial'noj kul'tury). M.: Nov. lit. obozrenie, 2002.

Carnival in the poetry by V. Gavrilchik

The article deals with the poetry by V. Gavrilchik from the point of carnival origins. The authors analyze the poems by V. Gavrilchik through the prism of the concept of M. Bakhtin concerning the three kinds of forms of folk laughter culture.

Key words: *Leningrad underground, V. Gavrilchik, carnival, material and body origins, scatological images.*

(Статья поступила в редакцию 24.05.2017)

